

Чем была для России XX века Соловецкая обитель? Это обитель зла? Или же обитель преображения? Это узилище или уникальная лаборатория по переделке человека? И что за власть царила на этом диковинном острове в двадцатые годы? Красная? Но почему на всех важных постах находились или белогвардейцы, или священники? Карательная? Но почему в Соловецком лагере особого назначения работали два театра, играли три оркестра, выходил уникальный литературно-художественный журнал «Соловецкие острова», почему на территории лагеря находились музеи, шла научная работа? Максим Горький постарался возвысить этот лагерь, воспел его. Александр Солженицын заклеил его, особо не разбираясь в деталях, по его мнению, из Соловков вырос весь ГУЛАГ. Так ли это?

Спустя почти сто лет писатель Захар Прилепин попытался именно художнически, через образную систему восприятия мира, рассказать нам не просто о Соловецкой обители, а на примере жизни СЛОНа (Соловецкий лагерь особого назначения) обо всем русском XX веке, о русском челове-

ке как таковом, на конкретном, с одной стороны, уникальном, с другой стороны, наиболее типическом, примере жизни Соловецкого лагеря. Он взялся решить почти невозможную задачу. Свести вместе добро и зло, а поле битвы – сердца людей. Правые возмущались: ты хочешь воспеть советские лагеря? Левые негодовали: зачем ты полез в это солженицынское болото, опять клеймить советскую власть? Но не случайно же реальным девизом и надзирателей, и лагерников на Соловках в те годы было: у нас власть не советская, у нас ВЛАСТЬ СОЛОВЕЦКАЯ! Что же это такое?

Мне посчастливилось одним из первых прочитать роман Захара Прилепина «Обитель». Не рядовое явление в современной русской литературе. И даже не только в русской. Думаю, смолкнут голоса визжащих завистников и справа, и слева. Ибо роман этот не политика – это большая русская литература, это погружение в жизнь человеческую, в трудную и всегда трагическую русскую действительность, в судьбы своего народа. И одновременно это наслаждение русским словом, наслаждение художественностью,

гармонией, интереснейшей и круто заверченной русской историей. Любование характерами людей. Об этом когда-то мечтали Серапионы – насытить русскую высокую прозу увлекательным сюжетом. Взгляд в самое высокое небо, и прыжок оттуда вниз, в чувственную, чавкающую, плотскую жизнь. Это еще и история огромной человеческой любви. Сложной, трудной, трагической и предельно достоверной. Это история революции, от начала до конца. Те, ранние Соловки, прокрутили задолго до перестройки всю возможную историю развития революции. Предугадали её неизбежный трагический конец. Не случайно главный герой Артем, не из палачей, не из невинно осужденных, не из революционеров или контрреволюционеров, простой русский парень, заслуженно, за бытовую драку, закончившуюся убийством, получивший свой срок на Соловках где-то в конце двадцатых годов.

Я боялся, сумеет ли Захар оторваться от солженицынской глыбы «Архипелага...», от его влияния. Еще как сумел. Совсем иная, не «лагерная проза». И герои совсем иные. Не впал он и в горьковскую оправдательную публицистичность. Он искренне стремился понять, что же происходило в двадцатые годы на этом чудо-острове?

Думаю, так же, а может быть, и более трагично, можно описать жизнь Соловецкой обители века семнадцатого. С теми же казематами, теми же героями, монахами, святыми и грешниками. Читал и погружался в свою молодость. Помню, еще студентом, в 1967 году, впервые попал на Соловки, помню, как в Карельской публичной библиотеке откопал комплект журналов «Соловецкие острова», выходявших в двадцатые годы в СЛОНе. Да и самый первый мой очерк, опубликованный в 1967 году в ленинградской газете, был о Соловках. Читал открывения о самом лагере в прозе Солоневича, Бориса Ширяева, в стихах Александра Ярославского. И вдруг всё это соловецкое лагерное бытие, лишь мельком задетое в солженицынском «Архипелаге...», крупным планом предстало в романе яркого прозаика нового поколения Захара Прилепина.

Среди героев второго плана, как я понимаю, реальный прадед Прилепина – Захар. Захар взял себе имя своего прадеда, потому что во всем хочет быть похожим на него, гордится им. И как блестяще родословная канва в романе «Обитель» переплетается с ярким и образным художественным вымыслом. Чудо-роман. Вот он – национальный русский канон в современной русской литературе.

Меня поражает, как художественный вымысел, образное видение существует в литературе отдельно от конкретной жизни писателя, вроде бы и отталкиваясь от бытовых реалий, от истории написания, и

уходя куда-то ввысь, в иное метафорическое мистическое измерение. Так когда-то Михаил Лермонтов между делом, на ходу сочинял «Белеет парус одинокий», как бы и не догадываясь о будущей классической судьбе этого паруса. Так и реальный Захар Прилепин рассказывает о том, как на него вышли люди, желающие снять некий фильм о Соловках, все равно какой эпохи, некий почти коммерческий заказ. По его словам: «Несколько лет назад мой товарищ Саша Велединский предложил мне доехать до Соловков – потому что нашлись люди, которые хотят фильм с участием монастыря, причем не важно, какой эпохи. Мы прожили там неделю, раздумывали, в какое время поместить действие текста, который я, возможно, напишу. Основных вариантов было два: XVII век – я немножко больной по XVII веку, мне кажется, там какие-то важные вещи просматриваются для понимания, пышно говоря, русского пути, – ну и, естественно, сразу всплыли советские лагеря. Итоговый выбор был обусловлен тем, что я с детства увлечен Серебряным веком. Я оттуда возвожу свою генеалогию – и человеческую, и литературную, я помешан на поэзии декадентов, символистов, имажинистов, это пространство моего словаря, это мое время, мои титаны, полубоги и демоны. После того как мы туда съездили, я стал заниматься другими вещами, но однажды приехал в Москву, остался у Саши ночевать, и он меня спрашивает: «Ну что, придумал что-нибудь?» И я с лету, почти не размышляя, говорю: «Да, придумал», – и совершенно экспромтом выдаю некий сюжет. Его канва в итоге в книге и осталась».

Примерно так, по заказу, и сочиняются сценарии бесчисленных криминальных сериалов, нашлись бы люди с деньгами, а качество не важно.

Здесь же остается благодарить этих людей, пожелавших снять хоть какой-то фильм с видами Соловецкого монастыря, благодаря им русская современная литература обогатилась настоящим шедевром. Помните, писала Анна Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда. Как желтый одуванчик у забора, Как лопухи и лебеда...»

Вот так возник и роман «Обитель», на сегодня один из самых значительных романов, на мой взгляд, русского двадцать первого века. Писатель влез в историю Соловецкого монастыря, желая написать сначала какую-то новеллу, сценарий, маленькую повесть, в результате возник роман на 750 страниц. Таких глыб Захар еще не двигал, таких эпических творений не писал. Сначала погрузился в былое, обложив себя книгами об истории монастыря во все века и выдавая на гора только легкие и яркие интервью на любую тему, чтобы читатель о

нем не забыл. Завистники радовались: спекся Захарка, иссяк. Те, кто знал, чем занимается Прилепин, тоже придумывали свои фантастические версии. Как же так: Захар Прилепин пишет роман о Соловецком лагере особого назначения? Значит, Прилепин или пошел путем Максима Горького, восхвалявшего лагерь по перековке нового человека, или путем Александра Солженицына, проклинающего все советские репрессии?

Насколько я знаю, Дмитрий Быков спрашивал у своего приятеля: «Пишешь роман? Собрался лагерь оправдывать?» А это было как раз после «Письма товарищу Сталину». «Бог с тобой», – отвечает Прилепин. Быков дальше: «Ну чего тогда, это будет последний аккорд Серебряного века?»...

Вот так и стал, если верить прилепинской легенде, с легкой руки либерала Быкова роман называться «последним аккордом Серебряного века». Тем более, сам Захар Прилепин большой поклонник Серебряного века. К тому же и впрямь, как говорит писатель: «Все это первое поколение советских лагерников – оно, конечно, во многом из московских и петербургских салонов. Это люди, которые сначала переместились в хаос гражданской войны, а потом – например, на Соловки».

Но я и это серебряновековое утверждение Прилепина отношу уже к его собственному мифу. Может быть, он и впрямь так думал, обойтись легкой серебряновековой модернистски-изящной обманкой. Получилось гораздо круче. Опять, согласно версии Анны Ахматовой:

*Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен.
На радость всем и мне.*

Так поэтесса пишет иносказательно о сложных, противоречивых путях рождения любого художественного произведения. И у Захара Прилепина из перчитанного Варлама Шаламова, Александра Солженицына, Бориса Ширяева, Бориса и Ивана Солоневича, из их таинственной лагерной плесени и сердитых окриков критических надзирателей, из влюбленности в персонажей Серебряного века, и впрямь переживавших в двадцатые годы XX века из петербургских салонов прямо в монастырские казематы, из полной растворенности в подробностях раннего этапа Соловецкого лагеря особого назначения, сложился свой убедительный законченный художественный мир. К тому же наполненный русской мелодичностью, музыкальной гармонией. Своя соловецкая цивилизация, вбирающая в себя опыт не только XX века, но и тысячелетнего русского пути.

А цивилизация эта, считает Прилепин, крайне важная. «То, что писали Солженицын, Шаламов, – это немного другое, там и контингент лагерей другой, и время другое. А лагеря 20-х годов – это такой «последний исход» Серебряного века. Туда попадали люди из элитарных артистических салонов, поэты, духовенство и в то же время блатные из одесской мифологии, актеры. Получилось такое странное варево. Они выпускали журнал, там было два театра, три оркестра». Там и начальники лагерей назначались из уникальных людей.

Тот же реальнейший Федор Эйхманис не случайно стал одним не просто из главных героев романа, но и из самых любимых героев. Он впрямь из лагеря сделал какого-то уникального диковинного СЛОНа, идущего в истории своим путем. Своими разнообразными экспериментами Эйхманис увлекает и Захара Прилепина. Следя за характерами героев, ведя свой авантюрно-приключенческий сюжет, прописывая и философское осмысление эпохи, Прилепин то и дело спотыкается на конкретные занимательные подробности: «Дорожки внутри монастыря были посыпаны песком, повсюду стояли клумбы с розами, присматривать за которыми были определены несколько заключенных. Артём иной раз на разные лады представил себе примерно такой разговор: «На Соловецкой каторге был? Чем занимался? – Редкие сорта роз высаживал! – О, проклятое большевистское иго!»

На одной из центральных клумб был выложен слон из белых камней.

Слон означал: Соловецкие лагерь особого назначения...»

«Обитель» – это не исторический роман и не антиутопия, это концентрированное выражение русского XX века. Да и герой романа – это, пожалуй, герой нашего русского времени, если брать это время широко, в пределах эпохи, целого века. Такой Артем Горяинов вполне представим и в годы революции, и в гражданскую войну, и в Отечественную войну, да и в наши перестроечные дни. Природный русский человек, подчеркнuto не идеологичный человек, в отличие от прилепинского же Саньки, не идеальный человек, совершивший бытовое убийство, казнящий себя этим, но остающийся нормальным русским человеком при самых разных условиях. Читатель может удивляться живучести героя, не раз попадающего в почти безвыходные ситуации, но чудом ускользающего. Впрочем, такие фартовые ребята и в самой жизни встречаются. Да и потом, к сожалению, ближе к финалу фарт заканчивается, почти все герои погибают. Такова соловецкая жизнь.

Автор поставил своего героя в исключительное положение. Защищая мать от пьяного голого от-

ца и его подружки, Артем нечаянно убивает горячо любимого им отца. Какие могут быть оправдания? Это уже тема романа Фёдора Достоевского «Преступление и наказание». И потому сама лагерная тема становится сразу же вторичной. Такой сюжет мог разыграться и во Франции, в Италии, в Америке, в России семнадцатого столетия. Тем более, что и другие герои-лагерники сидят не безвинно, старший друг Артема по бараку Василий Петрович работал в белой контрразведке, тоже не сказки детям рассказывал, поэт Афанасьев организовал игорный притон, и так далее. Безвинных нет. С другой стороны, многие из них обаятельные, задушевные люди. К примеру, белый контрразведчик Василий Петрович. «В представлении Артёма Василий Петрович представлял собой почти идеальный тип русского интеллигента – который неведь ещё выживет ли в Советской России – незлобивый, либеральный... с мягким юмором... единственным ругательным словом у него было неведомое «шморгонцы»... слегка наивный и чуть склонный к сентиментальности... но притом обладающий врождённым чувством собственного достоинства».

Вроде бы и безгрешных нет, но как найти живую душу у грешного человека? И что дальше с ней делать? При том запасе пассионарности, которой обладает Захар, он заставил почти всех своих читателей полюбить почти всех героев романа. А что делать, если одни из героев убивают других? На чьей стороне правда? На стороне помощника Эйхманиса из заключенных жесткого Бурцева, в тот момент, когда он избивает Артема? Или на стороне чекистов, расстреливающих того же Бурцева, бывшего белогвардейского карателя, пытавшегося поднять бунт?

Писатель делает смелую попытку создать обобщенный образ русского человека. Что такое в наше время быть русским? В чем заключаются особенности русской души? Захар Прилепин считает: «Равнодушие к собственной судьбе. Такая амбивалентность, когда страсть и бесстрастность, богохульство и внутренняя религиозность существуют одновременно – и в разных обстоятельствах проявляется разное. Мир не является объектом его рефлексии, он просто в нем существует. Русский человек как типаж не пребывает в том состоянии, которое описано в романах Достоевского. Люди – они... плывут. И ведь никакого перерождения русского человека вследствие этой чудовищной гулаговской истории не произошло. Это же один из самых страшных воплей либеральной общественности: гребанный народ, ты столько пережил, тебя гнобили в лагерях, били, кромсали, а ты снова пребываешь

в тех же иллюзиях и не собираешься меняться. Я думаю, что русская история статична. Русский человек неизменен – в этом и есть залог его существования. И в бессердечии, направленном в первую очередь к самому себе. Это можно назвать жертвенностью, если ты любишь русских людей, если не любишь – можно назвать нецензурным словом».

Как писал Михаил Лермонтов: «Гонимый миром странник... с русской душой». Вот и Артема гонит по всему миру. Только миру особенному – соловецкому. Из барака в барак, как из материка на материк. То лес валит, то лис разводит, то служит сторожем, то под командой реального лагерника Бориса Солоневича готовится к лагерной олимпиаде по боксу. На Соловках в двадцатые годы и впрямь были сконцентрированы все слои русского общества, все разнообразные герои и злодеи, романтики и циники, палачи и монахи.

Достаточно подвижный, амбивалентный и потому находящий общий язык и с бывшими белогвардейскими офицерами, и с православными священниками, и с чекистами, Артем стабилен в проявлении человеческой порядочности, доброжелательства, в сострадании слабым. Он мало заботится о себе, незгоистичен, может быть, поэтому и спасается. Он ведь и от вербовки в осведомители, даже во имя спасения собственной жизни, отказывается. Чем, наверное, и покоряет молодую и красивую чекистку, возлюбленную самого коменданта Соловецкого лагеря Фёдора Эйхманиса Галину Кучеренко. И начинается внутри лагерного эпоса, внутри плутовского романа, внутри калейдоскопа самых разных судеб реальных и вымышленных героев, внутри лагерной одиссеи самого Артема, еще и одна небывалая, почти неправдоподобная и к тому же почти реальная любовная драма двух главных героев с разных берегов бытия. Она и Он. Начальник и заключенный. Стратег и страстный романтический одиночка.

Насколько я знаю, у Артема и Галины есть свои реальные прототипы. Любимый прадед Прилепина Захар – сам сидел в тех самых Соловках, много рассказывал о них позже деду и отцу писателя, так до нашего Захара докатилась история о необыкновенной любви красивой чекистки Галины Кучеренко и заключенного Артема Горяинова. Дальше уже подключился вымысел. Думаю, писатель и от идеологии героя отказывается (что необычно для такого писателя, как Прилепин, и политика, и идеолога нашего общества), для того, чтобы увидеть более широкую панораму русской жизни, которую могли бы не принять ни его Санька, ни герои его чеченских рассказов. Может быть, и в жизни своей, от дружбы с Дмитрием Быковым до контактов с Алексеем Навальным, он осознанно расширяет свой го-

ризонт, чтобы увидеть большую панораму нашего общества? Но я рад, что в русской прозе двадцать первого века уже образовалась группа сильнейших лидеров, как на сочинской Олимпиаде: Захар Прилепин, Алексей Иванов, Сергей Шаргунов, Александр Терехов, Михаил Елизаров... И каждый со своим взглядом на русский мир.

В самом Прилепине, я уверен, сидит его Санька, но для пластичности он по-восточному принимает и ставит в центр соловецкой жизни образ внеидеологичного Артема, который искренне может всем сердцем полюбить чекистку Галину и одновременно искренне дружить с бывшим белогвардейским контрразведчиком и карателем. Нынешний повзрослевший Прилепин уверен, что не одна идеология определяет русскую жизнь.

И доказывает это положение всем своим романом «Обитель». Соловки двадцатых годов включали в себя всё: ад и рай, большевистскую убежденность в преобразовании мира, и православное смирение, имперский монархизм, и полную анархию. В интервью Павлу Басинскому Прилепин сказал о романе: «Однако оптика, которая у нас имеется сегодня, достаточно проста: есть жертвы, которые сидели, и есть палачи, которые охраняли. В целом все так, но всегда остается какое-то количество вопросов: далеко не все жертвы были настолько невинны, как может теперь показаться, а палачи, помните, как в стихах – «мученики догмата» и «тоже жертвы века». Тот же, в конечном итоге, народ. Наконец, в случае Соловецкого лагеря 20-х годов эта ситуация просто доведена до абсурда: там ведь практически царило самоуправление, все производства возглавляли сами заключенные, они же были командирами рот, взводными, отделенными и десятниками – причем в основном руководящий состав был из числа бывших белогвардейцев. Но это не избавило лагерь от несусветного зверства. Надо что-то делать с этим знанием, да?»

Вот уж верно: власть в лагере особого назначения была не советская, а соловецкая. Роман даже начинается (прямо как у Льва Толстого) на французском языке. Разговаривают начальник лагеря Фёдор Эйхманис и бывший белогвардеец, дворянин Василий Петрович. Вряд ли такое можно представить где-нибудь на Колыме в 1937 году. Вот уж на самом деле «последний акт Серебряного века».

Да и любовь, живую, подлинную, между важной чекисткой и заключенным в более поздние времена тоже трудно изобразить.

Как и положено большому роману, он вбирает в себя всё: любовную драму и плутовской роман, документальную хронику и остросюжетный детектив, босхианскую метафоричность и набоковскую

чувственную выразительность. Из этой мешанины, из этого соловецкого варева и впрямь вырастает загадочный образ России.

«Артём, всё время представления смотревший из стол, скептически пожевал пустым ртом, но на Василия Петровича всё это мало действовало.

– Наши Соловки – странное место! – говорил он. – Это самая странная тюрьма в мире! Более того: мы вот думаем, что мир огромен и удивителен, полон тайн и очарования, ужаса и прелести, но у нас есть некоторые резоны предположить, что вот сегодня, в эти дни, Соловки являются самым необычайным местом, известным человечеству. Ничего не поддаётся объяснению!.. О, наш начальник лагеря очень любит флору и фауну. Знаете, что здесь организован Соловецкий биосад и есть биостанция, которая изучает глубины Белого моря? Что по решению Эйхманиса лагерники успешно разводят ньюфаундлендскую ондатру, песцов, шиншилловых кроликов, чёрно-бурых лисиц, красных лисиц и лисиц серебристых, канадских? Что здесь есть своя метеорологическая станция? В концлагере, Артём! На которой тоже работают заключённые!..»

В романе нет ни назидания, ни осуждения, ни воспевания, есть погружение в тайны человека и в тайны духа. Из цитат романа можно выстроить любую модель России, но жизнь всегда опровергает однолинейность. Прилепин-писатель возвышается над Прилепиным-политиком. Хотя при желании из публицистических отрывков романа можно выстроить тоже целую книгу.

И все-таки Захар Прилепин не ищет оправдания своим отнюдь не безгрешным героям, не ищет оправдания русской истории, тем же Соловкам.

Соловецкая мистерия – это богатейший русский миф, в котором есть свои Гераклы и Перуны, свои Меркурии, свои черти и бесы. Роман безбрежен, как безбрежна и сама Россия. Он старается прочувствовать весь мир в полноте. Ничего не теряя.

Соловецкая одиссея Артема и его друзей проходит до самого финала. Не мог такой колоритный, многолюдный, заселенный, как Ноев ковчег, самыми неожиданными персонажами, долго существовать в системном государстве. И черные демоны Льва Троцкого, и утонченный эстет из латышей Фёдор Эйхманис, и театры, журналы, музеи в концентрационном лагере, бывшие белогвардейцы, командующие бывшими чекистами, – всё это явления полноводной России. Но с неизбежностью вода идет на убыль, русского человека ставят в строй, в систему, в формат. Так до нового полноводья.

Захар Прилепин мог и на самом деле написать роман о русской жизни семнадцатого века, было бы то же самое. Свой карнавал, страшноватый для ев-

ропейцев, но для нас, русских, привычный. Свои святые, свои юридические, свои преступники, свои палачи, свои Ромео и Джульетты. Вот уж, на самом деле, шекспировский размах. Василий Аксенов писал свой «Остров Крым», предвидев развитие событий, Антон Чехов писал «Остров Сахалин», тоже проецируя его на всю Россию, у Захара Прилепина Россия суживается (или, наоборот, раздувается) до Соловков. Как считает писатель: «Русскому человеку себя не жалко: это главная его черта. В России всё Господне попущение...» Василий Белов по сути на ту же тему и написал свое «Привычное дело». Такие герои, как Эйхманис или Троцкий, (или Руслан Хасбулатов в 1993 году), лишь добавляют новые краски, будоражат кровь русского человека, но как заметил тот же Фёдор Эйхманис: «Россия опять извернулась и становится сама собой. Она как соловецкий валун: внутрь её не попасть... Дело большевиков – не дать России вернуться в саму себя. Надо выбить колуном её нутро и наполнить другими внутренностями». Кто уж только не выбивал за последние 200 лет, не получается. И опять шуба швами наружу... Привычное дело.

Была ли польза от Эйхманиса на Соловках? Несомненная. Он со всей своей свитой не только организацией труда заключенных занимается, но и изучает острова архипелага, ведет научную работу. Во главе Соловецкого общества краеведения, конечно же, стоит сам Эйхманис.

Казалось бы, «картинный злодей», соловецкий палач, Федор Эйхманис увлекает за собой и героя романа Артема Горяинова, и его возлюбленную, чекистку Галину Кучеренко, и многих других зэков и

надзирателей. Увлекает, завораживает калейдоскопом своих деяний самого Прилепина. Эйхманиса критик Андрей Рудалев сравнил с булгаковским Воландом. А если мы еще вспомним его поколение Арктики, вайгачскую экспедицию и неизбежный для таких людей, неотвратимый 1937 год.

Собственно, роман «Обитель» и написан о России с 1917 по 1937 год. Потом пошла другая история. Или же с 1991-го по нынешнее время. Всё та же шуба швами наружу.

Жить в это время в такой России крайне интересно, но не безопасно.

Вот и наши все любовные, детективные, исторические, мистические истории в романе приближаются к своему финалу, к концу. Писатель избегает голливудского хеппи-энда. Галина из чекистки превращается в заключенную, потом её амнистируют, и она благополучно исчезает в российской глубине. Артема Горяинова летом 1930 года зарезали блатные в лесу. Борис Лукьянович вместе со своим братом Иваном все-таки сбежали в Финляндию и дальше в Европу. Алексей Ногтев, еще один руководитель лагеря, как и почти все остальные соловецкие чекисты, получил свою пятнашку.

После лесных хождений по сюжету в романе образовалось так много места, что читатель может и оглохнуть с непривычки. Ибо, с одной стороны, как итог романа, мы приходим к выводу, что «человек тёмный и страшен», но с другой стороны, по прочтении того же романа мы становимся уверены, что «мир человеческий и тёплый». Значит, можно жить и дальше.

□

Владимир Григорьевич БОНДАРЕНКО

родился в 1946 году в Петрозаводске.

Начинал печататься в журнале «Север».

Работал в «Литературной России», в журналах «Слово»,

«Октябрь» и «Современная драматургия».

Автор 27 книг о литературе, искусстве, политике.

Один из ведущих критиков России,

публицист, редактор.

Живет в Москве.

